

Е. Н. Варникова
г. Ярославль

АНТРОПОИКОНИМЫ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЫЯ

Образование антропонимов — одна из оноимических универсалий, выявленная на материале различных языков [1]. Особая продуктивность рассматриваемого семантического типа отмечается учеными в ойконимии. По данным Н. А. Кузнецовой, названия антропонимного происхождения в ойконимии Пензенской области составляют 40% [2]. 63% подобных наименований отмечает Н. В. Ковалева в западносибирской топонимии [3]. Как свидетельствует И. И. Муллонен, около 50% вепсских ойконимов имеют в качестве производящей основы антропоним — имя, фамилию или прозвище [4]. Причины продуктивности антропоойконимов кроются в исторических, социально-экономических и географических условиях формирования топонимических систем (развитие феодальных отношений, особенности именования объектов, созданных человеком, актуальность номинации по первопоселенцу в условиях однодворной деревни на Севере и т.п.).

В ойконимии Среднего Посухонья антропонимные образования составляют около 60%. Среди них преобладают названия, в основе которых лежат древнерусские мужские имена и прозвища: Брагинская — от антропонимов Врага, Брагины: Амвросий Брага, холоп, 1594 г., Новгород; Брагины, посадские люди, XVII в., Тотьма ...[5, с. 48]; Выдрино — Выдра, Выдрины: Иван Выдра, крестьянин, 1564 г., Новгород; Денис Выдрин, посадский человек, 1625 г., Тотьма [5, с. 74]; Грозино — Гроза Иван, крестьянин, 1495 г., Новгород [5, с. 89]; Кишкино — Кишка, Кишкин: Кишка, крестьянин, начало XV в., Новгород и Можайск ...[5, с. 142]; Королиха — Король Антип, крестьянин, 1495 г., Новгород, там же в XVI в. еще несколько лиц [5, с. 157]; Маслиха — Масло, Маслов: Масло, крестьянин, 1495 г., Новгород; Маслов, середина XVI в. и позже, Тула [5, с. 194]; Пузовка — Пузо, Пузан, Пузак: много лиц в XV — XVI вв., Новгород ...[5, с. 261]; Сарафановская — Сарафан, Сарафанов: Сарафан, крестьянин, 1545 г., Новгород; Тимофей Сарафанов, помещик, 1560 г., Кострома [5, с. 279]; Соколово — Сокол, Соколов — очень распространено; в XVI-XVII вв. несколько родов ... [5, с. 295]; Чуриловка — Чурило, Чурилко, крестьянин, конец XV в., Новгород [5, с. 357] и др. Отметим, что при сопоставлении топооснов, восходящих к нехристианским именам, с данными Ономастикона

обращает на себя внимание то, что многие антропонимы были обнаружены С.Б.Веселовским в новгородских источниках, хотя материалы, использованные им, касаются в основном исторической ономастики Северо-Восточной Руси [5, с. 4]. Очевидно, это совпадение не случайно: территория Среднего Посухонья, по свидетельству историков, была освоена выходцами именно из новгородских земель [6, с. 188]. Меньшее число антропоойконимов соотносится с каноническими именами: Агафоново, Антоново, Борисовская, Васильево, Захарово, Екимиха, Ивановская, Климовское, Лукино Матвеево, Осипиха, Семеновское, Тереньевская, Фроловское и др.

По нашим подсчетам, число названий деревень Среднего Посухонья, образованных от неканонических имен, составляет 62% всех антропоойконимов, а число образованных от канонических — только 38%. Н. П. Кашина, исследовавшая ойконимию Белозерья, отмечает, что “удельный вес отантропонимических топонимов, имеющих в основе христианские имена, значительно превышает удельный вес топонимов, образованных от некалендарных имен”: первые составляют там 71%. По мнению автора, преобладание в Белозерье топонимов, образованных от церковных имен, свидетельствует о более позднем заселении этой местности славянами [7, с. 129]. Однако, как утверждают историки, некоторые территории Белозерья были освоены русскими до IX в. (сам г. Белоозеро известен с 862 г.) [8], а первые свидетельства о появлении славян в районе Средней Сухоны относятся лишь к XII в. (первое упоминание о Тотье датируется 1137 г.) [6, с. 188]. Кроме того, сопоставлять количество канонических и неканонических имен в топоосновах со временем возникновения названий нужно очень осторожно, так как “вплоть до конца XVII в. в России наряду с церковными именами держались нецерковные” [9, с. 40]. Возможно, разное соотношение ойконимов с каноническими и неканоническими именами в основах на этих смежных территориях может быть объяснено тем, что в Белозерье было больше количество монастырей [10, с. 241—242] (самый значительный из них Кирилло-Белозерский монастырь основан в 1397г.) и благодаря этому церковные имена там, по видимому, были более активны, нежели в Среднем Посухонье, где единственный Спасо-Суморин монастырь возник лишь в 1554 г. [10, с. 246—247]; в этой связи, вероятно, сыграла свою роль и большая близость Белозерья к центральным районам Русского государства. Нельзя не учитывать и тот факт, что тотемские земли до XV в. были новгородскими, а белозерские — ростово-суздальскими владениями: как известно, говоры районов русского Севера, связанных с новгородской колонизацией, образуют

зоны архаики [11]. Тотемские диалекты — одни из архаичных в вологодских говорах — как видно, черты архаики свойственны и онимической лексике.

Попробуем установить, антропонимы какой социальной группы легли в основу названий посухонских селений. По данным историков, первыми на Сухону вышли новгородские бояре с вооруженными дружинами ушкуйников. Уже в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. отмечаются Векшеньга (река Векшеньга — приток Сухоны) и Тотьма в качестве новгородских становищ, постоянных мест суда, сбора дани и учета местного населения [12, с. 2]. Возможно, часть ойконимов Среднего Посухонья восходит к именам бояр. Так, название деревни Домажирово, расположенной на берегу реки Сухоны, перекликается с именем боярина Домажира (его потомки Домажиричи неоднократно упоминаются в новгородских летописях [6, с. 94]). Деревня с названием Домажирово была и в центре древнего Обонежского ряда, а новгородцы вышли на Сухону с севера именно через Обонежье [6, с. 93—109]. К этому времени относятся и ойконимы, непосредственно указывающие на принадлежность селения владельцу-феодалу: Боярское, Княгинино, Княжево, Княжая. Однако количество таких названий в Среднем Посухонье невелико. С присоединением новгородских владений к Москве (XV в.) “предпринята была в обширных размерах конфискация земель новгородских бояр как в самом новгородском уезде, так и в подвластных Новгороду областях... Крупному боярскому землевладению на Севере нанесен был непоправимый удар” [12, с. 8].

Подавляющее большинство ойконимов восходит к крестьянской антропонимии. Новгородские земледельцы отправились на Север вслед за дружинами ушкуйников. В XIII в., когда на Русь двинулись орды Батыя, северные земли стали особенно интенсивно осваиваться русскими людьми. Поселившись на Севере, “крестьяне упорно и безуспешно сопротивлялись стремлению новгородской боярщины закрепить местных и переселившихся сюда земледельцев” [13, с. 11]. Позднее, попав под государственную феодальную зависимость, северные крестьяне остались лично свободными и сохранили право владения землей. Черносошные крестьяне были основной категорией населения на многих севернорусских территориях. По подсчетам М. М. Богословского, проведенным на материале писцовых книг 1623—1625 и 1646 гг., в Тотемском уезде черносошные крестьяне составляли 96% населения [14, с. 50]. Как на первом этапе заселения, когда “освоенная крестьянами земля действительно была их полной собственностью” [15, с. 45], так и позднее, когда она стала госу-

дарственной собственностью, крестьяне считали себя хозяевами освоенных ими угодий. Поэтому и деревни часто назывались по именам или прозвищам их жителей. В писцовых книгах XVII в. еще можно найти тому подтверждения: “д. Васильева на реке на Костерихе... Климко Васильев... Васка Трифионов... Олешка Васильев...” [16, л. 256 об.], “д. Выченево Колотовское и Хомяково то ж на реке на Уфтыге а в ней крестьян...Калистратка Олфимьев сын Хомяков да сын его Киприянка...” [17, л. 359], “Слободка Пьянково на реке на Сухоне... а в ней крестьян... Сенка Зиков сын Пьянков...” [18, л. 38]. Подчеркнем, что двойные и тройные наименования селений, зафиксированные писцовыми книгами, также доказывают образование ойконимов Среднего Посухонья от крестьянских имен: такие топонимы свидетельствуют о появлении на месте, освоенном первопоселенцем, новых жителей [19]. Еще одним доказательством крестьянского происхождения антропоойконимов нашего региона является значительное число названий, образованных от разговорно-бытовых именных форм: Алексейково — Алексейко < Алексей, Васькино, Васьково — Васька, Васько < Василий, Гридинская — Гридя < Григорий, Климишино — Климиша < Клим, Мищуково — Мищук < Михаил, Тишино — Тиша < Тихон, Яковково — Яковко < Яков и др. Уничжительная форма в России долгое время оставалась обязательной для простого народа [9, с. 19].

Отдельные антропоойконимы обследованной территории восходят к именам членов частновладельческих вотчин. Так, название деревни Брагинской образовано от прозвища Бориса Браги, одного из владельцев “вотчинки на речки...Ковде” [20]. Имена других тотемских вотчинников (Булгаковых, Грудцыных, Панкратьевых, Гусельниковых, Палицыных) не отразились в ойконимии. Процент этой категории населения в Тотемском уезде был незначительным, поскольку частновладельческие земли, по данным писцовых книг XVII в., составляли там лишь 1% [12, с. 101]. Впоследствии не нашли отражения в названиях тотемских селений и имена дворян. Дворянские владения в этом уезде, как и в других черносошных уездах, наиболее интенсивно начинают появляться лишь в XVIII в. Но и в конце XVIII в. земли дворян, купцов и церковников (вместе взятые) в Тотемском уезде составляли всего лишь 10%, а крестьянские — 86% [15, с. 168—169]. Среди тотемских дворян значатся полковник Бахметьев, дворяне Волоцкие, Олешевы, Родичевы, Ушаковы. Их имена не оставили следа в ойконимии Среднего Посухонья. Даже фамилия знаменитых солепромышленников и землевладельцев Строгановых не смогла повлиять на названия тотемских деревень. Так, еще в писцовых книгах XVII в. по Тотемскому уезду неоднократно

находим деревни, принадлежавшие Ольге Страгановой: “д. Бурдуково Демьяновская то ж ... Ольги Строгановой”, “д. Бараново Ольги Строгановой” [17, л. 37]. Как видно, здесь всего лишь указания владельцу.

Таким образом, основная масса антропонимов Среднего Посухонья восходит к именам и прозвищам крестьян. Образование названий деревень от крестьянской антропонимии отмечено также М. В. Витовым в Заонежье [21], И. В. Власовой в верховьях Северной Двины и ее притоков [19], Н. П. Кашиной в Белозерье [7, с. 123]. Вероятно, это было характерно для всех севернорусских территорий, где большую часть населения составляли черносошные крестьяне, лично свободные, несшие государственные феодальные повинности. На территории же крепостнического центра России случаи называния деревень по их обитателям, как утверждают М. В. Горбаневский [22, с. 45] и Н. А. Кузнецова [2], сравнительно редки. В основе ойконимов там чаще лежат антропонимы, принадлежавшие лицам господствовавших классов.

Необходимо отметить, что в основе антропоойконимов Среднего Посухонья лежат имена и прозвища, а не фамилии. По свидетельству П. А. Колесникова, 96% тотемских деревень, что перечислены в дозорной книге 1619-20 гг., были построены в XIV—XV столетиях [15, с. 91]. Писцовые книги XVII в. отражают уже вполне сложившуюся, хотя еще не совсем оформившуюся систему наименований селений. Так, например, в Чучковском сельсовете Сокольского района — бывшей Мольской волости Тотемского уезда — из 79 современных ойконимов 76 находим в списках XVII в. (конечно, за период с XVII в. по XX в. названия претерпели различного рода изменения, но они, как правило, касаются их структуры). Иными словами, становление ойконимической системы Среднего Посухонья произошло до начала XVII в.: к этому времени названия не только возникли, но и успели достаточно прочно закрепиться, так как дальнейшее испытание временем они выдержали. Таким образом, формирование ойконимии происходило в XIV—XV вв. по мере возникновения селений. В этот период в России, как известно, фамилии начинали появляться лишь у лиц господствовавших классов — князей и бояр. У крестьян же фамилии установились поздно [9, с. 169—182]. Правда, становление фамилий у государственных крестьян на Севере “протекало значительно раньше, чем во всей средней полосе России, где почти все крестьянство принадлежало помещикам, а крепостным фамилий не полагалось... Основная масса крепостных получила фамилии только после 1861 г., на Севере же и в XVII в. большинство крестьян имело фамилии,

многие и раньше" [23, с. 135]. Вопрос о времени возникновения фамилий на Севере еще недостаточно изучен. Отдельные замечания находим у историков. Так, М. В. Витов отмечает, что "в Обонежье фамилий в подавляющем большинстве случаев не было в XV—XVI вв." [24]; П. А. Колесников пишет, что "у большинства черносошных крестьян и ремесленников...фамилии определяются уже во второй половине XVII столетия" [25]. Лингвисты называют более поздние даты. Г. Я. Сими́на, исследовавшая письменные памятники Пинежья, свидетельствуют о том, что "фамилии там сложились лишь в XVIII в." [26]. В. А. Никонов, изучавший документы по Важской земле, утверждает, что "в конце XVII в. до широкого установления фамилий еще далеко" [23, с. 136]. С. Н. Смольников, рассмотревший на материале памятников деловой письменности антропонимическую систему Верхнего Подвинья XVII в., делает вывод, что "фамилия в самостоятельную категорию официального наименования выделяется только во второй половине XVII в." [27]. По данным Ю. И. Чайкиной, и в Тотемском уезде в XVII в. крестьянские фамилии не были еще массовыми и устойчивыми [28]. Значит, ойконимы Среднего Посухонья, возникшие в XIV—XVI вв., восходят не к фамилиям, а к именам и прозвищам.

Анализ основ антропоойконимов обследованной местности позволил установить, что их частотность различна. Одни имена являлись активной базой для топонимообразования: древнерусские Зуй, Заяц, Корова, Козел, Кузнец, Лобан, Медведь, Орел, Шульга; канонические Василий, Иван, Клим, Лука, Мартын, Матвей, Семен, Фрол. Другие встречаются в топоосновах редко: древнерусские Коростель, Колупай, Кушка, Сова, Тулуп; канонические Осип, Панфил, Софрон. Поскольку "в первые века заселения и освоения Севера преобладали в основном однодворные деревни" [15, с. 110], можно полагать, что ойконимы в определенной мере отражают частотность имен на данной территории в XIV—XVI вв.

Образование антропоойконимов происходило преимущественно на основе аффиксации. Большинство аффиксальных дериватов составляют фрексийные структуры на -ово(-ево), -ино: Сидорово, Матвейцево, Иванково, Куземкино, Кокино, Галкино. Подобные наименования возникали как определения к номенклатурным терминам со значением 'тип поселения', выраженные притяжательными прилагательными, которые в прошлом указывали на принадлежность селения тому или иному лицу. Не случайно в писцовых книгах XVII в. такие названия имеют флексию -а, согласуясь при этом со словом деревня: "д. Мишуково на реке на Мишукове" [17, л. 555 об.—556], "д. Глебова Истоминаская то ж

на реке на Илмовице” [17, л. 590]. Употребление этих “подобных топонимам образований” доказывает, что “они являются обыкновенными прилагательными” [29, с. 7—8]: “в деревне ж Мишукове крестьянских тяглых дворов... шесть” [30, л. 6 об.—7]. В дальнейшем функционирование анализируемых названий привело к эллиптической субстантивации определений прилагательных. В итоге субстантивации возникла форма названий на -о, которая “имела специфически топонимическое значение места” [31]. Следовательно, топонимообразующая роль в рассматриваемых ойконимах принадлежит флексии -о. Дополнительным средством топонимизации в некоторых случаях стал перенос ударения на финаль: Фро?лово — Фроло?во. Параллельно с этими внешними процессами происходила топонимизация отантропонимных образований, которая проявлялась в десемантизации основ (прежде всего неканонических) и утрате притяжательных значений суффиксов (“старые суффиксы прилагательных -ов-, -ин- фактически превратились в топонимии в суффиксы существительных” [32]). Впоследствии образование ойконимов происходило уже по сложившимся таким образом моделям на -ово, -ино. Показательно в этом отношении переформливание названий других семантических типов: “д. Старая” [17, л. 724] — “д. Старово” [33, с. 254], “д. Погорелая” [17, л. 204] — “д. Погорелово” [33, с. 254] и др. (как видно, в роли форманта здесь выступает уже единство суффикса и флексии); по модели на -ино возникли названия-посвящения: Коробицыно, Бабушкино (здесь, по-видимому, имеет место наложение суффиксов производящих основ и моделей, отмеченное в топонимии И. А. Воробьевой [34]). Топонимы на -ово(-ево) в ойконимии обследованной нами местности составляют численное большинство. В сравнении с ними названия на -ино менее частотны. Большое количество топонимов на -ово не являются отличительной чертой ойконимии нашего региона: названия на -ово в Среднем Посухонье вписываются в основной массив подобных наименований, обнаруженный и описанный В. А. Никоновым [35, с. 81]. При словообразовательном анализе антропоойконимов на -ово, -иво в топонимической литературе нередко возникает вопрос о статусе словообразовательных средств [36]. Так, М. В. Горбаневский справедливо отмечает, что в некоторых работах встречается “формальный подход к выделению в ойконимах суффиксов без уточнения того, что они могут быть отнесены к дотопонимическому уровню” [22, с. 129—130]. По мнению автора, анализ структуры рассматриваемых названий возможен лишь при наличии достаточных исторических данных об их происхождении (т.е. данных о том, от имени или от фамилии образовано кон-

кретное название). Очевидно, нужно добавить, что при исследовании словообразования географических имен в диахроническом аспекте необходимо не только установление этимона, легшего в основу названия, но и (насколько это возможно) изучение деривационной истории топонима.

Меньшую часть составляют суффиксальные образования с формами *-иха* и *-ка* (первый из них более продуктивен): Екимиха, Вакориха, Зубариха, Пелевиха, Фатьянка. Топоформант *-иха* неоднократно привлекал внимание исследователей. В. А. Никонов установил, что основной очаг топонимов с финалью *-иха* находится в Ивановской, Владимирской, Костромской, Горьковской областях с центром между Волгой и Клязьмой и что распространение их здесь было связано с русской колонизацией этой территории [37]. Им же была выявлена “зона недоступности для *-иха*” в районах Буя, Галича, Чухломы и Солигалича [35, с. 92; 38]. На основании совпадений миграций населения и вытянутости по этим маршрутам географических названий на *-иха* И. В. Власовой удалось связать происхождение топонимов с крестьянскими передвижениями. Она отметила также разницу во времени распространения топонимов с *-иха* на разных территориях: в XIV—XV вв. в правобережье Ваги и в сухонских и двинских землях, в XV—XVI вв. в вятских и верхневелужских, XVII—XVIII вв. в средневелужских [39]. Позднее, полемизируя с В. А. Кучкиным, высказавшим мнение о том, что ареал топонимов на *-иха* в Заволжье не был связан с русским заселением этих мест в XIV—XVI вв., а скорее всего явился следствием развития языковых явлений в более позднее время [40], И. В. Власова проверила свои материалы, выбранные из Списков населенных мест XIX в., сопоставив их с более ранними данными писцовых книг конца XVI — начала XVII в. [41]. Ею были рассмотрены источники по Костромскому, Галицкому, Городецкому, Балахнинскому уездам и территориям Юрьевца Поволжского, Кинешмы и Луха. Материалы по сухонским землям проверке не подвергались. Сопоставление списков селений XVII—XX вв. по Тотемскому уезду показало, что некоторые ойконимы с *-иха* употреблялись уже в начале XVII в.: “пуст. Софониха” [43, л. 825] — “д. Софониха” [43, л. 308] — “д. Софониха” [33, с. 278]; “д. Топориха” [17, л. 588] — “д. Топориха” [42, л. 85] — “д. Топориха” [43, л. 305] — “д. Топориха” [33, с. 279]. Большинство же названий деревень с этим формантом стали официальными (ойконимы на *-иха*, как известно, первоначально возникали в неофициальной речи) в XVIII—XIX вв.: “д. Угрюмовская” [17, л. 553] — “д. Угрюмиха” [42, л. 85] — “д. Угрюмиха” [43, л. 302] — “д. Угрюмиха” [33, с. 275]; “д. Давыдовская” [17, л. 69 об.] — “д. Давыди-

ха" [42, л. 133] — "д. Давыдиха" [43, л. 316] — "д. Давыдиха" [33, с. 273]; "д. Обирково Тихоновская то ж" [17, л. 204] — "д. Тихониха" [42, л. 133] — "д. Тихониха" [43, л. 319] — "д. Тихониха" [33, с. 277]; "д. Тарабукино Лобаново Лобаново то ж" [17, л. 204] — "д. Лобаново" [42, л. 133] — "д. Лобаниха" [43, л. 319] — "д. Лобаниха" [33, с. 277] и др. По-видимому, В. А. Кучкин отчасти прав: на отдельных территориях топонимы с -иха не первичны, а возникли под действием топонимической аналогии. Вторичны образования с -иха и в топонимии междуречья Оки, Москвы и Нары [22, с. 149—150]. Ойконимы с формантом -ка (чаще -овка) немногочисленны в Среднем Посухонье: Парфенка, Александровна, Михайловка: в русской ойконимии формант -ка господствуют южнее линии Брянск — Тула — Арзамас [35, с. 73].

Значительно уступают по частотности аффиксальным дериватам антропоойконимы на -ская, образованные при посредстве субстантивных прилагательных: Федоровская, Гридинская, Кудринская. Являясь в прошлом посессивными определениями к слову деревня, такие названия превратились в топонимы без формальных изменений. Если при создании флексийных и суффиксальных антропоойконимов субстантивация стала движущей силой их структурных преобразований, то в данном случае она представляет собою основной способ топонимобразования (параллельно осуществляется также акт топонимизации). Топонимам "присваивается родовая система флексий прилагательного в соответствии с родом эллиптируемого существительного" [44]. Вторичность структур на -ская маловероятна: все анализируемые названия содержится уже в первых списках селений Тотемского уезда XVII в. В XIX—XX вв. некоторые из них изменились в роде: Кашинское, Калининское, Левинское. Форма рода является показателем топонимического уровня образования. Малочисленность структур с финалью -ская в Среднем Посухонье не случайна: зона распространения таких топонимов — Юго-Восток Европейской части России [35, с. 144].

В настоящее время внутренняя форма антропоойконимов обследованной местности либо утрачена, либо затемнена. В первую очередь сказанное относится к топонимам, возникшим на базе неканонических имен и прозвищ. В производных от церковных имен сохраняется лишь структурная соотнесенность с производящими. Крайне редко отголоски номинации селений звучат в народных этимологиях. В связи с этим паразителен тот факт, что у жителей Вожбалского сельсовета Тотемского района до сих пор живет предание о том, что Ермак, завоеватель Сибири, некогда жил на Вожбале. Название опустевшей деревни Слободы Ти-

мошкинской крестьяне связывают с именем Тимофея, отца Ермака, а сохранившееся в микротопонимии название починка Ермаково — с именем самого Ермака. Эта легенда была записана и В. И. Срезневским в 1901 году [45].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. С. 93.

2. Кузнецова Н. А. Названия населенных пунктов отантропонимического происхождения (на материале Пензенской области) // Русская ономастика: Республиканский сборник. Рязань, 1977. С. 125.

3. Ковалева Н. В. Принципы номинации топонимов бассейна р. Иня (Западная Сибирь) // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. С. 15.

4. Муллонов И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. С. 85.

5. Веселовский С. В. Ономастикон (древнерусские имена, прозвища и фамилии). М.: Наука, 1974. 382 с.

6. Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.

7. Капина Н. П. Славянская топонимия Велозерского края в лексико-семантическом аспекте. Дис. канд. филол. наук. Л., 1982. 230 с.

8. Осмицкий Т. И. Велозерский край в 13—16 вв. Роль и значение великорусского государства. Череповец, 1947. С. 8.

9. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

10. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

11. Толстой Н. И. О соотношении центральных и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальное исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977. С. 37—56. Чайкина Ю. И., Зорина Л. Ю., Парменова Т. В. Об изучении лексики вологодских говоров методом картографирования // Лингвостнография. Л., 1983. С. 136.

12. Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землеустройство и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Имп. общество истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1909. 321 с.

13. Колесников П. А. Северная Русь (архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда, 1971. 207 с.

14. Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М.: Имп. общество истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1912. 311 с.

15. Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976. 416 с.

16. Дозорная книга Тотемского уезда 1619 г. ЦГАДА, ф. 1209, к. 479.

17. Писцовая книга Тотемского уезда 1623—1625 гг. ЦГАДА, ф. 1209, к. 480.

18. Выписи из сотной книги Тотемского уезда 1639 г. ВОКМ, № 4368.

19. Власова И. В. Топонимия междуречья Северной Двины и Волги (XVII—XX вв.) // Ономастика Поволжья: Материалы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 145.

20. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 91.

21. Витов М. В. Севернорусская топонимия XV—XVII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 75—90.
22. Горбаневский М. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ русской ойконимии (междуречья Оки, Москвы и Нары) Дис. канд. филол. наук. М., 1980. 227 с.
23. Никонов В. А. Северные фамилии // Этимология 1978. М., 1980. С. 134—152.
24. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 132.
25. Колесников П. А. Опыт генеалогии И. В. Вабушкина // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 101.
26. Сажина Г. Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 30.
27. Смольников С. Н. Антропонимическая система Верхнего Подвонья в XVII в. (на материале памятников местной деловой письменности): Автореф. дис. канд. филол. наук. Вологда, 1996. С. 16.
28. Чайкина Ю. И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII—XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 48—56. (Межвузовский сб. науч. тр. / УрГУ; вып. 15).
29. Карпенко Ю. А. Становление восточнославянской топонимии (Закономерности словообразования) // Изучение географических названий. М., 1966. С. 7—18. (Вопросы географии: сб. 70)
30. Писцовая книга Тотемского уезда 1676 г. ЦГАДА, ф. 1209, к. 485.
31. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 87.
32. Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 12.
33. Вологодская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1973 года. Вологда, 1974. 488 с.
34. Воробьева И. А. О словообразовательном анализе топонимов // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968. С. 76. (Труды / Томский ун-т; т. 197).
35. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
36. Головина Э. Д. К вопросу о статусе словообразовательных средств в севернорусской ойконимии // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Теа. докл. и сообщ. Вологда, 1983. С. 191—192.
37. Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Историческая география. М., 1969. С. 172—194.
38. Никонов В. А. Белое пятно на карте. // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 144—153.
39. Власова И. В. Ареалы топонимов с формантами -иха и -ата/-ята в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // Этнография имен. М., 1971. С. 184—194.
40. Кучкин В. А. Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на -иха // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3. С. 231—242.
41. Власова И. В. Топонимы на -иха в Северном Заволжье // Русская ономастика: Республиканский сборник. Рязань, 1974. С. 142—147.
42. Экономические примечания к Генеральному межеванию Тотемского уезда. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 87.
43. Списки населенных мест Российской империи. Т. 7: Вологодская губерния. СПб., 1861. 986 с.
44. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 161.

45. Срезневский В. И. Отчет Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук о поездке в Вологодскую губернию (май-июнь 1901 года). СПб., 1902. 41 с.